

Эльмар Гусейнов, Владлен Сироткин

Лицо и маски Карла Радека

Как писал Радек в автобиографии, он начал участвовать в социал-демократическом движении с 14 лет, за что и был исключен из гимназии. В 1904 году в поисках заработка и возможности продолжать образование, начатое в Краковском университете, едет в Швейцарию. Здесь знакомится с русским рабочим движением. После первой российской революции начинает активную работу публициста в центральном органе польско-литовской социал-демократии — газете «Трибуна» в Варшаве, ведет агитацию среди варшавских пролетариев. Здесь он с оружием в руках вместе с рабочими участвует в захвате типографии для издания рабочей газеты, впервые попадает под арест.

В революционный Петроград Радек приехал спустя несколько дней после Октябрьского восстания. Соратник Бухарина, Дзержинского, Ленина, он был одним из тех, кто после Февральской революции 1917 года вел переговоры с немецкими властями о пропуске через территорию Германии вагонов, в которых ехали в Россию В. И. Ленин, Ю. О. Мартов и другие российские социал-демократы (большевики, меньшевики и др.).

В 1919 году по предложению В. И. Ленина Карл Радек заочно избирается в ЦК РКП(б). В марте 1920 года становится исполнительным секретарем III Интернационала, на II конгрессе летом того же года избирается членом ИККИ, то есть является, по сути, одним из главных лиц, определявших политику Коминтерна и тактику мирового коммунистического движения этого периода. При жизни Ленина у Радека не было расхождений с вождем. Радек был одним из немногих в руководстве Коминтерна и в ЦК РКП(б), который поддержал ленинскую новую экономическую политику.

Эльмар Евгеньевич Гусейнов — кандидат исторических наук, специальный корреспондент газеты «Известия». Владлен Георгиевич Сироткин — доктор исторических наук.

Печатается с сокращениями по: Московская правда, 1989, 14 мая.

Спустя несколько лет после смерти Ленина Радек попадает в число «левых» уклонистов.

...В январе 1928 года, как и многих других «троцкистов», Радека отправят в ссылку в Томск. В 1929 году он покается, будет возвращен из ссылки и восстановлен в партии как «разоружившийся троцкист». «Покаянное письмо» К. Радека от 6 июля 1929 года (в «Правде» 18 июля того же года был опубликован его урезанный вариант) настолько понравилось Сталину, что по его указанию В. Молотов 9 июля на X пленуме ИККИ (теперь уже громившем «правых» в Коминтерне) процитировал всю заключительную часть письма, специально оговорив, что это — не только «платформа разоружения» троцкиста Радека, но и его бывших единомышленников Смилги и Преображенского.

Вот что писал Радек в своем «покаянии»: «Самый важный вывод, который мы делали из политики ЦК партии, заключался в том, что эта политика неизбежно ведет на определенной стадии к скату от диктатуры пролетариата и ленинского пути к термидорианскому перерождению власти и ее политики и к сдаче без боя завоеваний Октябрьской революции...

Эта наша установка по отношению к ЦК ВКП и его политике была ошибочна... Исходя из вышесказанного, мы снимаем наши подписи с фракционных документов, заявляем о полной солидарности с генеральной линией партии и просим принять нас обратно в ее ряды».

Выяснить перипетии сложной внутрипартийной борьбы тех лет — задача будущих исследователей. Сам Радек свою позицию достаточно четко определил еще на XIII партконференции 1924 года, на которой он, обращаясь к большинству ЦК, заявил: «...если бы без демократии мы могли научиться так, чтобы не быть посуды, то демократия не была нужна... Вы ставите вопрос о снятии тт. из оппозиции с постов. Этот пример, данный партией наверх, пойдет по всей партии до низовых ячеек. И вы доиграетесь до лицемерия в партии, когда люди будут прятать мысли для того, чтобы избегнуть таких последствий». Кто, знающий итог событий 30-х годов, не назовет эти слова пророческими? Но пророческими оказались и другие слова — из его речи на расширенном пленуме Исполкома Коминтерна 20 июня 1923 года — о принципиальной возможности сотрудничества коммунистов и национал-социалистов против «империализма Антанты». По сведениям сбежавшего на Запад советского разведчика В. Кривицкого, «разоружившийся троцкист» Радек в 1933—1934 годах стал тайным посредником между Гитлером и Сталиным на дальних подступах к пакту Риббентроп — Молотов в 1939 году.

И это при том, что Сталина Радек не любил, чего и не скрывал, хотя неприязнь эта зачастую принимала шутовские формы. В ссылке в Томске, условия которой, кстати, были не очень тяжелые, он любил напевать незамысловатую песенку: «Добрый вечер, дядя Сталин, ай-яй-яй. Очень груб ты, нелоялен, ай-яй-яй. Ленинское завещанье спрятал, ай-яй-яй. Глубоко в кармане, ай-яй-яй».

Каким он был в жизни, Карл Радек? В быту — скромен до аскетичности. Единственной роскошью, которую Радек позволял себе, были книги. Они занимали почти целиком две комнаты, отведенные под рабочие кабинеты.

Любил сочинять и рассказывать анекдоты, обмениваться ими с друзьями. Их было много, ближайшие — Н. Бухарин, И. Смилга, Н. Преображенский, с которыми дружили домами. Иногда, зачитавшись очередным романом Дюма, мог явиться в международный отдел «Известий» в краге, обутой... на одну ногу (вторая — в домашнем тапочек), вызвав удивление своих коллег.

Кстати, удивлять он любил, по-мальчишески радуясь эффекту. В Томске, куда был выслан, разгуливал по городу в черном с драконами китайском шелковом халате, приводя в изумление жителей, принимавших его — к вящему удовольствию самого Радека — за китайца. Гурманом не был, много курил, в последние годы перед арестом начал пить.

Любил детей, своих и чужих. Не делал разницы между приемным сыном (ребенком от первого брака жены Розы Маврикевичны), родной дочерью Софьей и маленьким сыном домработницы.

Внешне он был некрасив — невысок ростом, щупл. Носил пышные бакенбарды — в честь любимого поэта Мицкевича, как объяснял знакомым. Была в нем какая-то неистребимая веселость, готовность посмеяться над всем — над собой, впрочем, в первую очередь, неизменные находчивость и блестящее остроумие. Может быть, поэтому, несмотря на более чем скромную внешность, нравился женщинам. Ярким эпизодом в его жизни осталась большая взаимная любовь к известной писательнице Ларисе Рейснер, бывшей жене Ф. Раскольникова, трагически погибшей в 1926 году. При всем этом он умел оставаться хорошим семьянином, любящим мужем и отцом. Его переписка с женой в 1919 году — для Радека это было трудное время, он сидел в берлинской тюрьме Моабит — полна нежной заботы о ней и о только что родившейся тогда дочери.

Перебирая все эти черты и черточки характера, невольно задумываешься над тем, как должен был раздражать Сталина и его окружение, склонное к показному ригоризму и подчеркнутой внешней опрошенности, этот веселый, подчас рассеянный, яркий и талантливый человек!

дический принцип», а Раковский на том же процессе доводит свои «признания» до абсурда. Сказав, что с 1926 года он являлся английским, а с 1936 года — японским «шпионом», Раковский далее полностью дезавуирует свои показания очередным «признанием»: оказывается, японцам он передавал данные об отмене карточной системы и промфинплане, а англичанам — текст составленной Бухариным и Радеком «сталинской» конституции (все это открыто публиковалось в советских газетах!).

Был ли Радек сильным человеком? Вряд ли, хотя справедливости ради скажем, что умирать на поле боя или от пыток перед лицом откровенного врага несравненно легче, нежели быть затравленным теми людьми, которые считались твоими товарищами по партии, единомышленниками. Но по дьявольскому замыслу устроителей политических процессов 30-х годов именно на эту голгофу пришлось взойти многим старым большевикам. Радеку же — как, впрочем, и многим другим — горькую чашу унижения пришлось испить дважды.

Август 1936 года. В газетах публикуются материалы процесса над группой Зиновьева — Каменева. Члены ленинского Политбюро сознаются во всем: в государственной измене, организации террористических актов, убийстве Кирова. 21 августа в «Известиях» появляется статья Радека, где подсудимые называются «фашистской бандой», «мразью», «бандой кровавых убийц», для которых автор статьи требует смертной казни. Знал ли Радек, когда писал эту статью, что на газетной полосе она появится рядом с признаниями Каменева, превращающими его, Радека, в одного из членов «заговора»?

За Радеком пришли дождливой сентябрьской ночью. Уходя, он успел крикнуть дочери: «Что бы про меня ни говорили — не верь».

На процессе, проходившем в январе 1937 года, он признал все. И то, что был агентом японской разведки, и что готовил убийство Сталина, и что договорился с Троцким отдать Украину немцам и реставрировать капитализм.

Родная газета «Известия» написала о нем: «...непревзойденный циник, растленный, искусившийся в измене Родине, сделавший своей профессией шпионаж в пользу фашистских государств...» Так бумеранг лжи и малодушия, пущенный когда-то Радеком в подобной же статье, вернулся и ударил его самого.

Сегодня еще закрыты архивы по тем процессам, но мы знаем кто и как допрашивал Радека. Это был молодой, лет двадцати семи следователь, сын известного чекиста Кедрова. (Пройдет несколько лет, и он погибнет вместе с отцом под колесами той же машины террора.) Допрос сводился к оскорблению

и угрозам — крики «контрреволюционер», «гадюка» перемежались с обещаниями скорого расстрела. Потом, чтобы сломить окончательно, знакомили с показаниями товарищей, уже во всем сознавшихся.

Радеку дали 10 лет лагерей. На единственном свидании с женой после процесса он ответит на ее недоуменные вопросы: «Так было нужно». Узнав, что дочь прийти на свидание отказалась, промолвил: «Я это знал». Писатель А. Рыбаков ошибся — Радека не расстреляли в 1939 году.

Его убили в лагере подосланные уголовники спустя два года после процесса. Карлу Радеку не было тогда и 55 лет.